

ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ РОССИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

1. РЕАКЦИОННАЯ ДВОРЯНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ; БУРЖУАЗНО-ЛИБЕРАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

На рубеже XIX—XX вв. реакционная дворянская историография продолжала оказывать заметное влияние на общественную мысль России. Взгляды «охранителей» внедрялись в сознание учащихся. В поддержку этих взглядов выступали различные издания, ученые общества, церковь, аппарат государственной власти. В схемах дворянских историков народные массы представляли лишь как облагодетельствуемые царями верноподданные.

Более 110 изданий выдержали реакционные учебники для школ Д. И. Иловайского. Аналогичными были учебники И. И. Белляринова, В. А. Абазы, М. Я. Острогорского. Петербургские историки К. Н. Бестужев-Рюмин, С. Ф. Платонов и др. давали оценку российской истории с монархических позиций, резко отрицательно относились к народным движениям. Н. Ф. Дубровин, Н. К. Шильдер, С. С. Татищев, Н. П. Барсуков также являлись «охранителями». Исторические построения Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева служили даже теоретическим обоснованием реакционной политики царизма в конце XIX в. В недрах министерства внутренних дел, его департамента полиции возникла для служебного пользования своеобразная «историческая» литература — «Обзоры важнейших познаний, производившихся в жандармских управлениях империи», книги Б. Б. Глинского, Н. Н. Голицына, генерала Шебеко. Они вводили в оборот значительное количество документов по истории революционного движения, но подчиняли исследование задачам политического сыска.

В конце XIX — начале XX в. на позиции дворянских историков С. Ф. Платонова, М. К. Любавского, Д. И. Баголея и др. оказывали все большее влияние взгляды С. М. Соловьёва, В. О. Ключевского и других историков буржуазно-либерального направления. Однако дух «охранительности» преобладал в исторических обществах, во главе которых стояли сановники и церковники. Пред-

седателем «Императорского исторического общества» был Николай II. Вот почему широко публиковавшиеся ими документы были соответствующим образом подобраны.

Своеобразным видом «исследования» истории явились служебные записки С. Ю. Витте. Наиболее известна записка «Самодержавие и земство». По поводу ее и предисловия П. Б. Струве В. И. Ленин написал свою работу «Гонители земства и Аннибалы либерализма»¹. Излагая пореформенную историю России, записка фактически признавала, что самодержавие постоянно ограничивало земство, препятствовало выполнению им своих функций. В духе «охранительной» историографии она затушевывала классовую борьбу, введение земства объясняла не как вынужденный политический маневр царизма, а как итог давления либеральной оппозиции на правительство. Революционное движение как фактор общественно-политической борьбы, его история, репрессии со стороны самодержавия полностью игнорировались Витте, стремившимся по-своему защитить царизм.

Другая записка министерства финансов была издана в 1902 г. в Женеве «Заграничной лигой русской революционной социал-демократии» под заглавием «Самодержавие и стачки». Она откровенно отражала интересы крупнейших фабрикантов, недовольных политикой «полицейского социализма» С. В. Зубатова, давала краткий очерк истории фабричного законодательства в России. Общий смысл новой записки Витте В. И. Ленин охарактеризовал как, «несомненно, либеральный» (6, 400). Однако попытка хотя бы осудить административный произвол и всевластие полиции не удалась. Не помогли и благонамеренные исторические экскурсы.

В целом дворянская историография все еще сохраняла с деятельной помощью царизма свои позиции, продолжала защищать самодержавие, дворянские привилегии, воспевала роль царей, православной церкви в истории. Однако дворянской историографии приходилось считаться с влиянием буржуазного направления в исторической науке, с его достижениями: расширением исторической

¹ Подробнее см.: Миронова И. А., Юхт А. И. К истории работы В. И. Ленина «Гонители земства и Аннибалы либерализма». — История и историки. Историографический ежегодник 1970. М., 1972; Ольховский Е. Р. В. И. Ленин и «Заря». К истории первого научно-политического и теоретического журнала российских марксистов. Л., 1980.

проблематики, появлением «вертикальных» ответвлений науки — истории экономического развития, государственных учреждений, правовых норм, истории литературы и др. Все это пыталась впитать в себя, переработать и использовать в «охранительных» целях дворянская историография.

* * *

Буржуазно-либеральное направление в исторической науке было представлено крупными учеными: В. О. Ключевским, А. Д. Градовским, Б. Н. Чичериным, М. М. Ковалевским, П. Г. Виноградовым и др. Многие буржуазные историки вслед за «охранителями» поддерживали легенду о том, что русский крестьянин до XVI в. был свободен и не знал крепостной зависимости, что феодального периода в истории России в отличие от Запада вообще не было; история борьбы крестьян с крепостниками старательно обходилась. Вообще попытки русских буржуазных историков осмыслить исторический процесс чаще всего не были связаны с пониманием классовой борьбы.

Активно разрабатывалась теория «государственной школы» происхождения истории России; были достигнуты заметные успехи в исследовании эволюции государственных отношений, развития норм права и деятельности государственных учреждений, сдвигов в сословных отношениях. Но идеи «государственной школы» в целом сближали буржуазных историков с «охранителями». И потому прав был В. И. Ленин, который, продолжая традиции Н. Г. Чернышевского, разоблачал на примере Чичерина монархические и антиреволюционные вождения помещичье-буржуазного либерализма (см.: 5, 55).

На второе поколение «государственников» — В. И. Сергеевича, П. Н. Милюкова, А. Е. Преснякова и др. — заметное влияние оказывали позитивизм, агностицизм. Они не понимали диалектики, упрощенно «биологизировали» общественную жизнь. Своего апогея российский позитивизм достиг в трудах философа и историка В. В. Лесяевича. Самодержавие могло, с точки зрения «государственников», сделаться «правовым государством» при некоторых уступках буржуазным элементам для предотвращения опасности демократической революции. Подобные мысли Чичерина и Градовского В. И. Ленин высмеял в начале XX в. и назвал их «нолем» (5, 45).

Не все историки буржуазно-либерального направления могут быть отнесены к «государственной школе». Укажем на Н. И. Костомарова, в определенной мере на В. О. Ключевского.

В российской историографии 90-х годов распространились теория зависимости развития народного хозяйства от географического фактора, плотности населения (Ковалевский, Милюков и др.), теория К. Бюхера о трех стадиях хозяйственной эволюции (Струве и др.). Буржуазно-либеральная историография в целом утверждала, что классовая борьба угнетенных, выступления революционеров являются тормозом на пути прогресса в России. Идеал, к которому должна стремиться вся ее история, — последовательное развитие реформаторской политики царизма и якобы нарастающая прогрессивность либерализма. Чтобы подвести к этим выводам читателей, историки-либералы затушевывали историю революционного движения.

В начале XX в. влияние позитивизма, неокантианства на русских историков усилилось (М. М. Богословский, М. В. Довнар-Запольский). Крупнейший источниковед А. С. Лаппо-Данилевский не только в своих практических изысканиях, но и в теоретических вопросах был последователем О. Конта. К психологическому направлению в позитивистской социологии примыкал А. Е. Пресняков.

Ярким историком был Н. П. Павлов-Сильванский. Его трактовка главных проблем российской истории не укладывалась в рамки схем дворянской и буржуазной историографии. Он показал древнее происхождение русской общины, ее однотипность с подобными формами в других странах. Исследуя систему феодальных учреждений Древней Руси, сопоставляя их с аналогичными институтами западноевропейского средневековья, Павлов-Сильванский пришел к неопровержимому выводу о существовании феодального периода истории России. Правда, феодализм он понимал как форму юридических учреждений, нормы феодального права. Его трактовка не выходила за рамки идеалистического понимания истории, хотя ее объяснение историк искал в социально-экономических отношениях. Однако Павлов-Сильванский не поднялся до понимания феодализма как общественно-экономической формации, не видел классовой борьбы, пытался свести сложный исторический процесс к жесткой социологической схеме. Большой интерес для оценки борьбы

течений в российской историографии представляет архив Павлова-Сильванского².

Работы буржуазных историков А. А. Корнилова, А. А. Кизеветтера, Ю. В. Готье и др. существенно расширили проблематику исследований, но являлись в целом разновидностью исторического обоснования и защиты либерализма.

Аналогичной была позиция авторов ряда исторических сборников³.

Особое ответвление буржуазной историографии — работы «легальных марксистов». Это направление еще в 90-х годах XIX в. было определено В. И. Лениным как отражение марксизма в буржуазной литературе. Он не раз отмечал быстрый разрыв его вождей с марксизмом, стремительную их эволюцию вправо к либерализму (см.: 9, 51, 254). Н. А. Бердяев стал сторонником «христианского экзистенциализма», в его исторических «исследованиях» царили пессимизм, выводы о «конце истории». С. Н. Булгаков, еще в 90-х годах признававший в письмах Г. В. Плеханову слабость и беспочвенность нападок Э. Бернштейна на материалистическое понимание истории⁴, уже через несколько лет сделался защитником идеализма. П. Б. Струве в 90-х годах, прикрываясь марксизмом, рассматривал исторический процесс как последовательную смену экономических форм, определяющим фактором истории считал не производственные отношения, а обмен, писал о притуплении классовых противоречий в условиях капитализма. Буржуазный объективизм Струве не имел ничего общего с марксистским принципом историзма. Он подменял историю социально-экономических отношений в России общими схемами перехода от натурального хозяйства к товарному, умаляя роль крестьянского движения, особенно накануне реформы 1861 г., дал ей идеалистическое толкование. На место исторического материализма Струве, как и другие «легальные марксисты», ставил «экономический материализм» — отрицание субъективного фактора в истории, фаталистический объективизм и воспевание «гармоничности» капи-

² Институт русской литературы, р. III, оп. 2, д. 1105, 1110, 1113, 1115, 1118, 1122—1124, 1126—1131, 1135—1138, 1153, 1155, 1157, 1173, 1180, 1188, 1194, 1199—1201.

³ Мелкая сельская единица: Сб. статей, вып. 1—2. СПб., 1902—1903; Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, т. 1—2. СПб., 1904; Политический строй современных государств, т. 1—2. СПб., 1905.

⁴ Архив Дома Плеханова (АДП). В.73.7, л. 3 об.; В.73.11, л. 1.

тализма, «безграничных возможностей» его бескризисного развития. Недаром Струве утверждал, что всю человеческую историю якобы нельзя объяснить развитием производительных сил и борьбой классов⁵.

Занимаясь экономической историей России, Струве считал себя марксистом. Правда, одновременно он говорил, что историческое познание должно исходить из агностицизма. Эти утверждения вызывали возмущение даже у «экономистов»⁶. Струве рассматривал историю России как глобальную борьбу славянофилов с западниками. Этой борьбой он объяснял противоборство народничества с марксизмом⁷. В прокрустово ложе противостояния славянофилов и западников он пытался уложить историю России в 1907 г.⁸

Став в начале XX в. признанным вождем либерализма, Струве для защиты буржуазии и ее воззрений все чаще делал соответствующие исторические экскурсы, электически заимствуя положения теорий буржуазных историков и не всегда заботясь о стройности и цельности таких исторических построений. Например, возникновение крепостного барщинного хозяйства (не натурального, а денежного) он ставил в прямую зависимость от развития обмена и писал про «денежно-хозяйственный клин, глубоко вбитый в натурально-хозяйственное тело страны»⁹.

В политической истории России Струве пытался представить А. И. Герцена и все освободительное движение в удобном для либерализма виде, упрощенно понимал историю народовольчества, идеализировал в духе славянофильства историю земских соборов, чем вызвал возражения даже Милюкова на страницах струвистского журнала «Освобождение».

Немало исторических сочинений принадлежало перу М. И. Туган-Барановского. Его защита прогрессивности капитализма была подвергнута критике со стороны ссыльных марксистов в Сибири¹⁰. Широкую известность

⁵ Струве Петр. На разные темы (1893—1901 гг.). Сборник статей. СПб., 1902, с. 6.

⁶ АДП. В.406.8, л. 1—3; В.349.3, л. 3—4.

⁷ См.: В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX — начала XX в. Л., 1969, с. 157.

⁸ АДП, ф. 753, л. 2.

⁹ Струве Петр. Крепостное хозяйство. Исследования по экономической истории России XVIII и XIX вв. М., 1913 (обработка доклада 1899 г. и работ 1900—1901 гг.), с. 142.

¹⁰ АДП. В.481.а.6, л. 1.

получили книги Туган-Барановского о кризисах и развитии фабрики. Марксовому анализу последовательной смены мануфактуры фабрикой он противопоставлял домощенное и ненаучное понимание стадий развития капитализма. Причины отсталости России Туган-Барановский видел в русской некультурности, противоречия крепостной эпохи рассматривал как разногласия между верхушечными классами в борьбе за экономическое господство. Исторические сочинения Туган-Барановского изобиловали фактическими ошибками. Он создал противоречившую действительной истории теорию распада «фабрики» на кустарные избы в 40-х годах XIX в., «победы» мелкого кустарного производства над фабрикой в русской промышленности, мануфактуру смешивал с фабрикой, на ошибочность чего указывал В. И. Ленин (см.: 3, 551, примечание). В начале XX в. Туган-Барановский объявил, что в ходе исторического развития экономика будто бы утрачивает свое влияние на политику.

С попытками изложить свои взгляды на историю выступали И. А. Давыдов, М. М. Филиппов и другие «легальные марксисты». Они отрицали партийность исторической науки, предлагали революционным социал-демократам примириться с народниками и прекратить «взаимную травлю»¹¹. Все большее влияние на этих писателей оказывали историко-экономические концепции В. Зомбарта, Л. Брентано, бернштейнцев, в чем откровенно признавался Струве¹². Против перепевов западноевропейских апологетов капитализма решительно выступил В. И. Ленин (см.: 5, 149).

Среди бывших «легальных марксистов» были и более радикально настроенные люди. В. В. Яковлев (Богучарский) собрал и опубликовал много документов по истории освободительного движения. Однако выдающиеся его деятели (А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский) представляли в изображении Богучарского либералами, верившими в благостные реформы сверху.

Таким образом, на рубеже XIX—XX вв. дворянская историография переживала острый кризис. Буржуазно-либеральное направление в исторической науке оказалось внутренне противоречивым. Усилиями этого направления расширилась тематика, возникли новые отрасли; делались попытки раскрыть общие законы исторического развития. Однако заметное влияние на историков-ли-

¹¹ ИРЛИ, ф. 181, оп. 1, д. 727, л. 21, 30—31.

¹² ЦПА ИМЛ, ф. 302, оп. 1, д. 38, т. 1, л. 99.

бералов оказывали дворянская историография, позитивизм и агностицизм. В этом отражалась двойственность положения буржуазии, ее колебания между верноподданническим и оппозиционным отношением к российскому самодержавию.

2. НАРОДНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА; МЕЛКОБУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ В НАЧАЛЕ XX В.

В конце XIX в. народническая историческая школа в общем плане стремилась противопоставить себя дворянско-либеральному направлению, утверждала свою преемственность с историческими исследованиями революционных демократов. Известно, что в основе революционно-демократической идеологии вообще и ее историографии в частности лежала идея крестьянской социалистической революции. В. И. Ленин неоднократно называл А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского первыми русскими социалистами, ценил труды Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева, М. Е. Салтыкова-Щедрина за революционность, борьбу с либерализмом (см.: 1, 268, 291; 5, 403).

В их исторических сочинениях обнаруживаются зачатки исторического материализма и творческий подход к диалектике, оценке роли народных масс и личности в истории. Они верили в существование объективных закономерностей исторического процесса, поступательность его хода, прогресс человеческого общества, который приведет к победе социализма. Однако свои надежды революционные демократы утопически возлагали на крестьянство. Правда, идеалистические выводы в области истории «сосуществовали у них с серьезными рассуждениями о значении экономического фактора в истории, дававшими наиболее глубокое для того времени обоснование этой проблемы»¹³. Хотя последователи Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова — Н. В. Шелгунов, Г. З. Елисеев, А. П. Щапов, И. А. Худяков, И. Г. Прыжов во многом уступали своим учителям, но их сочинения олицетворяли прогрессивную линию в историографии. В целом историография революционных демократов являлась непосредственной предшественницей марксистской исторической мысли в России.

Сложнее обстояло дело с народнической историогра-

¹³ Цамутали А. Н. Борьба течений в русской историографии. Л., 1977, с. 199.

фией. Полностью отрывать Чернышевского от народников или противопоставлять его им нельзя. Однако знака равенства между ними тоже нет. Идеологи народничества и многие исследователи, сочувствовавшие ему, проявляли живой интерес к истории, особенно к истории России, внимательно изучали разнообразные источники и материалы, ставили новые для своего времени исторические проблемы. Народническая историография сосредоточивала свое внимание на изучении истории крестьянства. Широко исследовалась история общины. Особое место в народнической историографии занимало областничество, в первую очередь сибирское. Н. М. Ядринцев и С. С. Шашков положили начало широкому изучению не только политической, но и этнической, социальной истории сибирских народов.

Революционные народники уделяли немалое внимание антикрепостническим движениям, истории освободительной борьбы, общественной мысли. Недаром В. И. Ленин определял историческое значение громадной полосы общественной мысли в России — народничества так: «**Ее историческое значение: идеализация борьбы с крепостничеством и его остатками**»¹⁴. Народники утопически верили, что близившийся взрыв в России будет желанным «социальным переворотом», т. е. социалистической революцией, но не понимали, что России предстояла в действительности революция буржуазная.

Центральным вопросом для всей народнической историографии был вопрос о развитии капитализма в России. Он приобрел особую актуальность вскоре после появления «Капитала» К. Маркса. Однако, поставив проблему, народнические идеологи и историки неверно решили ее. Они отрицали большую роль капитализации хозяйственной жизни России¹⁵, ее последствия для развития революционного движения. Историки-народники не сумели правильно понять и материалистически объяснить

воздействия государства и его институтов на общественное развитие.

Чтобы доказать древнее происхождение общины, историки-народники отрицали классовую эксплуатацию и государственное принуждение в период преобладания общины, наличие феодальных отношений на Руси в IX—XV вв., создали и усиленно распространяли легенду, будто в докапиталистической России непосредственные производители были собственниками средств производства. Народники упрощенно ставили вопрос: либо община, либо капиталистический путь развития России. В действительности же общинная форма землевладения, как и многочисленные другие, не представляла, по мнению В. И. Ленина, непреодолимого препятствия для развития капитализма (см.: 1, 285, 333, 380; 3, 321—322). По всем этим коренным проблемам революционное народничество никогда не умело отграничить себя от либерального. Более того, претендуя на преемственность с революционными демократами, субъективно считая себя учениками Чернышевского, революционные народники на практике активно пользовались историческими исследованиями и схемами либерального народничества.

Историческая тематика представлена в «Записках революционера» П. А. Кропоткина, в работах П. А. Лаврова, других революционных народников. Протест против крепостнических пережитков — прогрессивная часть народнической историографии, отрицание народниками капитализма, утопические поиски путей развития страны характеризовали ее реакционную часть. Большое значение в общественно-политической жизни России имели «Исторические письма» П. Л. Лаврова (1868—1870). Своим призывом «отдать долг» забитому и угнетенному народу они перебросили прочный мост от истории к социологии. Целые поколения российских революционеров воспитывались на «Исторических письмах», видели в них свой «символ веры». И тем опаснее были ошибочные позитивистские воззрения автора. Лавров обосновывал исключительную роль интеллигенции в революционной борьбе, субъективно трактовал исторический прогресс. Отвечая на вопрос: «Кто двигал историю?» — Лавров не колеблясь указывал: «Одинокие борющиеся личности». Преувеличение роли интеллигенции сочеталось у Лаврова с верой в народ, в крестьянскую массу. И хотя в переизданиях «Исторических писем» звучали и новые ноты, мысли о прогрессе истории, связанном с критиче-

¹⁴ Ленин В. И. Тетради по аграрному вопросу 1900—1916. М., 1969, с. 21.

¹⁵ Н. К. Михайловский, однако, не раз в конце 70-х годов признавал превращение России в капиталистическое государство, срастание самодержавия с интересами капитала (подробнее см.: *Слова Ф. М. Энгельс и социально-экономическая мысль России.* — Энгельс и проблемы истории. Сборник статей. М., 1970, с. 295—297). Российская социалистическая мысль в конце 70-х годов стала частично освобождаться от иллюзорно-апологетических взглядов на общину. Но это еще не означало отказа от идеалов крестьянского социализма.

ски мыслящими личностями, сохранились. На ошибочность общего строя «Исторических писем» указывал В. И. Ленин¹⁶.

Способность Лаврова соединять в своем мировоззрении различные, а иногда и противоположные взгляды приводила к ошибочному стиранию принципиальных различий между социал-демократами и народниками по коренным вопросам теории, тактики, отношения к общине, к судьбам капитализма в России.

Противоречиво значение исторических трудов Лаврова. Например, его статья «В память столетия пугачевщины» (1874) полна сочувствия антикрепостническому крестьянскому движению. Автор правильно понимал истоки этого движения, его характер как восстания русского народа против вековых притеснителей, но не видел слабостей крестьянского движения.

Субъективный идеализм еще резче проступал в сочинениях Н. К. Михайловского. Вначале с сочувствием относясь к некоторым положениям марксизма и не видя его коренной противоположности народничеству, Михайловский в 80—900-х годах, в период развития пролетарского движения и утверждения марксизма в России, выступил против российских марксистов.

История с его точки зрения — это процесс постепенного порабощения личности. Михайловский (и это типично для народнических социологов и историков) испытал влияние различных западноевропейских буржуазных социологических теорий и эклектически интегрировал их в своем мировоззрении. Глубоким было влияние на Михайловского идей позитивизма. В результате «властитель дум» народнической молодежи противопоставлял обществу природе, а личность обществу. Субъективно-идеалистические воззрения на историю нашли в сочинениях Михайловского «Герои и толпа» (1882), «Еще о героях» (1891), «Еще о толпе» (1892) свое крайнее выражение. Автор пытался обосновать теорию «героев и толпы», согласно которой «герой» может менять направление общественного развития, вести за собой народные массы. Роль последних — быть «толпой». Подобные идеи он пытался отстаивать в статье «Иван Грозный в русской литературе». Это — образец антиисторической сущности субъективного идеализма.

¹⁶ Крупская Н. К. О Ленине. Сборник статей и выступлений. М., 1965, с. 163.

В основе исторической концепции Михайловского лежала мысль об особом пути развития России, ее самобытности. Критикуя капитализм на Западе и используя для этого некоторые аргументы марксизма, он взывал к «нравственному чувству» русских людей, призванных воспротивиться приходу капитализма — системы эксплуатации и угнетения. Михайловский считал, что выбрать другой путь развития для России вполне по силам «героям».

Вместе с тем Михайловский в силу своих связей с революционным подпольем не раз оказывался на левом фланге народничества. Тогда ему случалось отмечать, что невозможность развития капитализма далеко не абсолютна, что она убывает с каждым днем. Однако попытка на этом основании преувеличивать расхождения Михайловского с «крайностями» народничества, забвение единства их в общем и целом была справедливо расценена В. И. Лениным как «подкрашивание» Михайловского (см.: 5, 402). Вместе с другими народниками он видел главную задачу русской интеллигенции в борьбе с развитием капитализма на русской почве.

Не раз признавая всемирные заслуги К. Маркса и Ф. Энгельса, Михайловский отвергал научный социализм, в том числе и в изучении истории¹⁷. Например, после выхода в России перевода книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1894) Михайловский в специальных заметках подверг критике этот перевод. Но, как видно из его архивных материалов, в действительности он выступал против идей книги. В 1894 г. Михайловский утверждал, будто бы «материалистическое понимание истории пока еще не оправдано ни философской мыслью, ни фактически»¹⁸.

Чтобы обосновать возможность развития по некапиталистическому пути, народнические публицисты обращались к прошлому, исследовали экономическую историю пореформенной России. Они с упорством, достойным лучшего применения, искали «некапиталистическую» природу этих исторических процессов, что не мешало им по отдельным частным сюжетам признавать успехи капитализма, а иногда и пользоваться трудами К. Марк-

¹⁷ Эта противоречивость с нарастанием необоснованного критицизма показана в заключительной главе книги Э. С. Виленской «Н. К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х — начала 80-х годов XIX века». М., 1979.

¹⁸ ИРЛИ, ф. 266, оп. 2, д. 633, л. 4—6; д. 632, л. 2.

са и Ф. Энгельса. Именно так поступал Ник.-он (Н. Ф. Даниельсон). Он показывал процессы «капитализации земледельческих промыслов», разложения крестьянства, растущие классовые противоречия и тут же противопоставлял историческое развитие России и Западной Европы, утверждая, что в России есть только отдельные элементы капитализма, но для его полного утверждения нет необходимых условий, прежде всего рынка.

Факты капитализации экономики России видел и В. В. (Воронцов), уделявший серьезное внимание истории. Им написано несколько исторических книг, ставших в свое время популярными среди русской интеллигенции, хотя аполитичность В. В. и его крайности в освещении русской истории часто вызывали протесты левонароднической молодежи. Почти все его книги посвящены вопросам истории русского народного хозяйства, крестьянскому земледелию, мелким промыслам, условиям развития капитализма. Для трудов В. В. характерен народнический эмпиризм, отсутствие теории. Этот идеолог либерального народничества, своевольно перетасовывая статистические данные, стремился доказать очень медленные темпы роста капитализма в России и даже уменьшение числа рабочих на фабриках и заводах. Земскую статистику, сведения правительства о промышленности В. В. использовал для идеализации общины, «народных промыслов», артелей. Он доказывал бесплодность российского капитализма в силу отсутствия внешних рынков. Противопоставляя политические реформы экономическим, протестуя против «конституционализма», угрожающего экономической «самобытности», В. В. возлагал надежды на поддержку царским правительством «народного производства».

Идея устойчивости мелкого крестьянского хозяйства в России, идеализация общины и отработочной ренты, проповедь классового мира отличают и работы либерального народника Н. А. Каблукова. С серией работ по истории сельской общины выступал С. Н. Южаков. Он тоже доказывал невозможность капиталистического развития России. Община в его представлениях могла «заменить капиталиста» и обобществить производство в сельском хозяйстве и в кустарных промыслах. Южаков идеализировал реформы 60-х годов в России. В его исторических сочинениях затрагивался широкий круг проблем по истории Западной Европы, Ближнего и Среднего Вос-

тока, по истории российской культуры. Но все они излагались с позиций субъективной школы. Южаков утопически считал, что в истории «борьба между людьми сменяется борьбой людей, объединенных солидарностью, с природой». Всем работам Южакова присущ «квасной патриотизм», что сближало его в определенной мере со славянофильством.

Историю российской общины народники ставили в прямую связь с изучением истории российского крестьянства. Наиболее ярко эта линия получила отражение в исследованиях П. А. Соколовского, А. Я. Ефименко, В. В. Постникова и др. Этим историкам удалось собрать большой фактический материал, расширить круг изучаемых вопросов. Однако, как и другие либеральные народники, Соколовский игнорировал классовое расслоение в русской общине, ее тормозящее влияние на развитие производительных сил в сельском хозяйстве. Спасение крестьян Соколовский видел в организации широкого дешевого кредита для них. Он считал русскую общину гарантией от «развития пролетариата».

Историкам народнического направления удалось собрать богатейший и разнообразный фактический материал по проблемам истории крестьянства и русской общины. Это имело для науки положительное значение, способствовало изучению истории пореформенной России. Вместе с тем методологическая «заданность», стремление во что бы то ни стало доказать жизнеспособность артели, общины, кустаря, обосновать особый исторический путь России в обход капитализма вынуждали историков-народников прибегать к описательности, избегать анализа внутренней обусловленности и закономерности развития. Своим методологическим «кредо» народническая историография примыкала к буржуазной.

Народники принимали деятельное участие в работе земской статистики. Они самоотверженно собирали громадный и детальнейший материал об экономическом положении крестьянства. Земская статистика по части организации наблюдений намного превосходила правительственную. Но при обработке материалов за основу брались фиктивное «среднее крестьянское хозяйство», маскировавшее классовую дифференциацию деревни. Данные группировались не по хозяйственной мощности крестьянских хозяйств, а по формальным признакам (общинам), по категориям: бывшие государственные, бывшие помещичьи и т. д. — или по надельной земле. Нередко

народнические историки антинаучно выводили средние величины для экономически разнородных совокупностей.

Наиболее крупным историком народнической школы был В. И. Семевский. Он разрабатывал новые, важные для науки проблемы. Полнота собранного в архивах и на местах материала, его разнообразие, огромная эрудиция и тщательность критического анализа делают труды Семевского интересными и для современной исторической науки. Однако освещение поднятых проблем в его трудах оставалось идеалистическим. Его первые работы по истории крестьянства — своеобразные программные документы народничества в историографии. Он скрупулезно рассказывал о быте крестьян, их занятиях. Крестьянство у него выступает не единым целым, а разделено на категории. Поэтому крестьянские движения для Семевского не являлись классовой борьбой. Крестьянский вопрос в большой степени отрывался от общего социально-экономического развития России, от конкретных исторических условий. Политика помещичьего класса, российских самодержцев по отношению к закрепощенным крестьянам идеализировалась. Даже отмена крепостного права объяснялась не потребностями экономического развития России и классовой борьбой крестьянства, а просвещенной деятельностью царского правительства и «общества».

Важную роль играло исследование Семевского о рабочих золотых приисков. Ему удалось собрать богатый материал о составе рабочих, условиях их труда и быта, о формах протеста против хозяев, о рабочем законодательстве. Однако и здесь он изложил материал лишь с позиций народолюбца, горячо сочувствовавшего угнетенным, обошел проблему классовой борьбы, заменил историю рабочего класса историей труда. Наиболее яркий и талантливый историк народнической школы оказался не в силах правильно понять коренные проблемы русской истории. В рамках утопической доктрины этого и нельзя было сделать.

На либерально-народнических позициях в целом стоял В. А. Мякотин. Темами его исследований были крестьянство и история русской общественной мысли.

Обширная народническая историография антинаучна в своей основе. Видя в крестьянстве главную силу будущей революции, народники впадали в неразрешимое противоречие, когда связывали исторический прогресс с «критически мыслящими личностями», интеллигенцией,

«героями». При всем сочувствии к крестьянству народничество отводило ему роль «толпы». Поэтому при освещении исторического развития крестьянства народники не исследовали действительный процесс эволюции классовых отношений, а выискивали в нем формы крестьянской жизни, общину, чтобы с ее помощью преодолеть капитализм. Именно отсюда проистекали описательность народнической историографии, излишнее внимание к частностям, деталям, неумение вскрыть ведущие тенденции.

Немало ошибок допустили историки этой школы и в более узких вопросах. Например, большинство из них идеализировали реформу 1861 г., не видели ее классовой сути. В этом отношении народничество разорвало с традицией Чернышевского, который противопоставлял ей революцию, а смысл происшедшего «освобождения крестьян» усматривал в компромиссе либералов и помещиков. Народники-историки ошибочно оценивали раскол, искали в среде раскольников сознательных борцов с самодержавием.

В 80-х и особенно в 90-х годах началось столкновение зарождавшейся марксистской историографии с народнической по всем общественным проблемам. Это был конфликт материалистического, монистического понимания истории с субъективно-идеалистическим, плюралистическим. Народническая историография не сумела найти убедительных доводов и аргументов для опровержения марксистского понимания истории.

* * *

Сложным и неоднозначным был путь мелкобуржуазной историографии в начале XX в. Существенно обновляя тематику, пытаясь найти новые подходы к решению главных исторических проблем, стремясь использовать марксистскую методологию, мелкобуржуазные историки в действительности сделать этого не смогли, а их труды отражали кризис историографии. Нельзя недооценивать значение робких попыток мелкобуржуазных историков нащупать материалистическую основу исторического процесса. Но мелкобуржуазная историография базировалась на тех же теоретических построениях, что и буржуазно-либеральное направление. Это были неокантианство, позитивизм, отрицание объективных закономерностей общественного развития, преувеличение роли надстроечных явлений в истории, непонимание соотношения классов,

исторического значения пролетариата. Не имея в своем арсенале крупных монографических исследований, не располагая профессиональными историками, которые могли бы широким фронтом скрупулезно разрабатывать новые источники, мелкобуржуазное направление в историографии напряженно искало выход.

Лидеры складывавшейся партии эсеров — В. М. Чернов, М. Р. Гоц, Л. Э. Шишко, А. В. Пешехонов, Н. С. Русанов и др. — в своих публицистических выступлениях часто обращались к истории. Будучи вынужденными в XX в. признать роль рабочих, эсеры в конечном счете стремились, однако, указать на то, что историю творит «рабочий народ»: крестьяне, рабочие и интеллигенция. Ее роль в историческом процессе они по-прежнему переоценивали. В стремлении оправдать «Народную волю» эсеры объявляли односторонним и узким марксистское понятие классов. Согласно их взглядам, в основе деления общества на классы лежит якобы источник доходов. В. И. Ленин назвал тенденцию выдвигать на первое место не производственные отношения, а источник доходов вульгарным социализмом и народничеством, воскрешаемыми социалистами-революционерами (см.: 7, 43—45).

Народническо-эсеровские взгляды получили отражение в сборнике «На славном посту» (1900), посвященном юбилею Михайловского. Русанов пытался доказать, что Михайловский будто бы был идейным вождем всей российской интеллигенции, шел во главе прогрессивной мысли России, и предпринял попытку искусственно примирить его идеалистические концепции с историческим материализмом.

В сборнике освещались различные стороны жизни и деятельности А. Н. Радищева, В. Г. Белинского, Н. А. Некрасова, Г. И. Успенского. Особенно важной была статья В. И. Семевского о петрашевцах. Со своих позиций авторы сборника рассматривали историю «наследства».

Чернов пытался доказать, будто бы К. Маркс приравнивал крестьян к рабочим, а его последователи в России — к фабрикантам. Он пропагандировал книгу немецкого ревизиониста Герца по аграрным вопросам и присоединялся к самонадеянным заявлениям бернштейнцев, что они «собьют с позиции» в аграрном вопросе «догматический марксизм». Метод исторических исследований Чернова, «забывавшего» доводы оппонентов, путавшего статистические материалы, В. И. Ленин называл «безграничным легкомыслием» и «безбожным хвастовством»

(см.: 5, 153—154). Он оценил как буржуазные рассуждения Чернова и других «критиков» аграрной теории марксизма, пытавшихся ссылками на историю скрыть противоречия капитализма в земледелии (см.: 7, 109, 116).

Гоц защищал взгляды Михайловского, опираясь на позитивизм Спенсера, создавшего будто бы органическую теорию общественного развития. Он вынужден был признать, что в борьбе российских марксистов против Михайловского явственны те же ноты, что и в полемике экономико-материалистической школы К. Маркса с немецкими буржуазными учеными-историками.

Большой простор для исторических экскурсов давала эсерам подпольная литература. В статье «Террористический элемент в нашей программе», опубликованной в «Революционной России» (№ 7, июль 1902 г.), со ссылкой на исторический опыт «Народной воли» всячески воспевался и оправдывался террор как средство самозащиты и агитации. В статье «Крестьянское движение» (№ 8, 25 июня 1902 г.) признавалось изменение условий в российской деревне в начале XX в., но воля революционеров противопоставлялась объективному ходу исторического развития.

Автор статьи «Новое выступление русских либералов» (№ 9, июль 1902 г.), испытал влияние ленинской работы «Гонители земства и Аннибалы либерализма» по многим вопросам, все же не смог осуществить классовый анализ явлений политической жизни. В статье «Русский либерализм и дворянство как сословие» (№ 11, сентябрь 1902 г.) проводилась мысль о том, что если бы дворянство в эпоху крестьянских реформ было достаточно сплоченным и сильным, то «освобождение» крестьян было бы еще более изуродовано, чем в феврале 1861 г. Состояние крестьянства в начале XX в. объяснялось результатами реформы и долготелными стараниями дворянства¹⁹. В статье «По поводу одной годовщины» (№ 14, декабрь 1902 г.) автор оценивал народническое движение 70-х годов как социалистическое, но не видел в русском народничестве различных оттенков, не понимал его классовой природы, наивно изображал социализм. Однако в эсеровской литературе известны и более тонкие оценки народничества, его взаимоотношений с научным социализмом, дифференцированный подход к различным направлениям в народничестве.

¹⁹ О том же писал Русанов (АДП, АП.5.13, л. 1—2).

Разноречиво подходили эсеры к истории террора. Некоторые неонароднические группы и писатели усматривали слабость «Народной воли» в том, что она сосредоточила свою деятельность исключительно на «охоте на царя»²⁰. «Система террористических актов, поддержанных рабочими манифестациями, решит дело освобождения России»²¹, — говорилось в программной брошюре эсеров. Но встречались и более осторожные высказывания. Например, Михайловский летом 1898 г. писал Русанову: «Я не считаю результаты террора 70-х годов определенными»²².

Поопытки переосмыслить исторические итоги общественно-политического развития России, приспособиться к условиям начала XX в. характеризуют многие статьи эсеровского «Вестника русской революции». В статье «Мировой рост и кризис социализма» (№ 2, февраль 1902 г.) утверждалось, что марксизм в своей ортодоксальной форме будто бы уходит в прошлое. При этом учение К. Маркса оценивалось как «один из самых ярких и первоначальных типов исторического народничества». Шишко в том же номере журнала высказывал претензию на якобы более широкий, всесторонний охват истории революционного движения, чем это делал исторический материализм. Однако при ближайшем рассмотрении оказывалось, что мнимая «широта» отражала колеблющиеся взгляды на крестьянство, его противоречивые интересы. Шишко считал, что российская социал-демократия отрывается от преемственной связи своего учения с революционным прошлым России, видел роль народнического движения 70-х годов только в увеличении числа революционеров и подготовке кадров борцов.

Поопытка по-новому осветить роль классов в российской истории была сделана в статье «Рабочее движение и революционная интеллигенция». Признавая рабочий класс определенной силой, автор ратовал за его союз с революционной интеллигенцией. Согласно его концепции, после гибели народовольчества Россия вследствие фатального хода экономического развития вступила на путь капитализма, который Герцен и народники предполагали миновать. В таких условиях возникла «партия» — организованная революционная интеллигенция, слившаяся с пе-

²⁰ См.: Григорович С. (Жигловский Х). Социализм и борьба за политическую свободу. [Б. м.], 1898, с. 62.

²¹ Наши задачи. Лондон, 1900, с. 47, 62.

²² АДП, ф. 657. Письма Михайловского, л. 31.

редовым отрядом городского и сельского пролетариата. Рабочий класс оценивался как центральный элемент партии. Но только революционная интеллигенция, утверждал автор, соединенная с сознательной частью рабочих, может сыграть роль передового отряда рабочего класса.

В статье «Эволюция русской социалистической мысли» (№ 3, март 1903 г.), написанной под влиянием книги В. И. Ленина «Что делать?», стиралась разница между социал-демократией и «Народной волей» в понимании роли интеллигенции, вместо понятия общественно-экономической формации использовался термин «коллективный организм».

Ненаучное толкование российской истории привело эсеров в начале XX в. к серьезным ошибкам. Не отрицая развития капитализма в экономике России и даже признавая некоторые положительные стороны этого процесса, они не сумели связать капиталистическую эволюцию города и деревни, заметно переоценивали роль экономической политики правительства. Превратными были у эсеров представления о роли классов в российской истории. Считая фабрично-заводских рабочих в некоторые периоды важной силой революции, эсеры не понимали роли пролетариата²³. Они не придавали значения полуфеодалному характеру эксплуатации крестьян в деревне, продолжали надеяться на общину как зародыш социалистического развития.

Примером трудных поисков выхода из методологического тупика было творчество историков Н. А. Рожкова, М. Н. Покровского, экономиста П. П. Маслова.

Начало формирования историка-профессионала Рожкова относится к 90-м годам. Он глубоко изучал источники. Подвергая критике идеи неокантианства в познании истории, Рожков делал это не с позиций марксизма, а вслед за Контом и Миллем. Правда, он требовал причинного объяснения исторических явлений, искал закономерности исторического процесса в целом. Ему часто казалось, что он опирается на К. Маркса, но в действительности он извращал марксизм. Под производственными отношениями он понимал распределение хозяйственных благ. Рожков признавал классовый характер государственной власти, но видел его не в системе организации, а лишь в общем направлении социальных и эконо-

²³ См.: Наши задачи, с. 44, 45, 59, 60; Манифест партии социалистов-революционеров. [Б. м.], 1900, с. 4, 8, 9.

мических мероприятий. Происхождение самодержавия в России объяснялось не классово обусловленными процессами, а параллельным рядом эволюции правовых норм. Марксистское понимание закономерностей, действительные законы исторической смены формаций Рожков свел к повторяемости исторических явлений «в сравнительно-историческом освещении». В его исследованиях видна зависимость от трудов и концепций либералов. Марксистским историком ему так и не удалось стать.

Трудным был научный путь одного из крупных советских историков — М. Н. Покровского. Главное внимание обращается на его труды 20—30-х годов, его роль в становлении советской исторической школы. В 90-х годах Покровский как историк выступал с позиций, близких к его учителям Ключевскому и Виноградову. В феодализме он видел лишь систему правовых отношений. Уже тогда на Покровского оказывала влияние школа «легального марксизма» и «экономического материализма». В своих ранних исторических работах Покровский критиковал теоретический эклектизм Ключевского, утверждал тождество экономического развития России и Западной Европы. Он пришел к мысли о существовании в истории России феодального периода, хотя на первый план выдвигал действие внешних экономических факторов; экономика у него лишалась социального содержания, превращалась в чистую форму «экономических отношений». Обмен, торговля оценивались как более важные факторы, чем производственные отношения. Эта вульгаризаторская идея надолго определила ошибочные построения и исторические схемы Покровского.

Правда, складывавшиеся у Покровского представления об общем ходе истории уже в этот период выходили за рамки буржуазной исторической науки. Но признание феодализма нелегко было сочетать со схемой торговой городской Руси Ключевского. Покровский нашел для себя выход в том, что писал о древнем происхождении русского земледелия. Однако из его построений выпадал город. Он ошибочно отрицал существование общины у древних славян, вслед за Ефименко вел речь не об общине-мире, а о больших семьях, объединившихся позднее в вервь. Противоречивой оказалась и критика Покровским Г. Риккерта, Л. Ранке, В. Виндельбанда. Он выступил против их отрицания исторической закономерности, противопоставления наук о природе и обществе. Но субъективизм Маха привел Покровского к замене объективного

закона в истории бесплодными поисками логических понятий целесообразности.

Некоторый интерес представляют взгляды литератора и экономиста П. П. Маслова. Он занимался экономическими, главным образом аграрными, проблемами, боролся с большевизмом с ревизионистских, меньшевистских позиций, для обоснования своей аграрной платформы привлекал обширный исторический материал и проповедовал вульгарную политическую экономию. Исторический процесс Маслов рассматривал не как последовательную смену общественно-экономических формаций путем революций, а как ступени расширения товарных отношений. Принимая за их основу пресловутый «закон убывающего плодородия почвы», Маслов в 1901 г. выступил против марксистской теории абсолютной и дифференциальной ренты на землю, а вскоре и против вытекающей из нее ленинской аграрной программы национализации земли. Его подход к общим методологическим принципам выражен в следующем положении: «материалистическое понимание истории, понимание ее как борьбы классовых интересов так же мало связано с философским материализмом, как и с Гегелем»²⁴. Бесполезной оказалась попытка Маслова разобраться в соотношении классов и партий в истории России.

В книге об истории сельского хозяйства Маслов исследовал в целом те же процессы, что и В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России». Маслов несколько раз ссылаясь на эту книгу по мелким поводам, привел ленинскую таблицу о распределении продуктов в крестьянском хозяйстве, отметил, что В. И. Ленин глубоко и всесторонне показал процесс дифференциации крестьянства, развития индустрии из кустарной промышленности²⁵. Но это не помешало Маслову исказить общую картину развития капитализма в России, капитализации ее сельского хозяйства, на что справедливо указал В. И. Ленин (см.: 5, 121, 135, 233; 7, 109, 114, 115). В «Ответе на критику нашего проекта программы», напечатанном накануне II съезда РСДРП, В. И. Ленин дал подробный разбор масловской критики проекта аграрной программы РСДРП в 1903 г. и выдвинутого им самим проекта программы, исходившего из вульгарных и ошибочных пред-

²⁴ Жизнь, 1901, т. III, с. 163—164.

²⁵ См.: Маслов П. П. Условия развития сельского хозяйства. Опыт анализа сельскохозяйственных отношений. СПб., 1903, с. 41, 329, 393.

ставлений об истории сельского хозяйства в России, его нападок на лозунг национализации земли. Известно, что съезд отверг масловские домогательства. Впоследствии, когда меньшевики скатились по многим вопросам на позиции оппортунизма, они выдвинули Маслова своим докладчиком на IV съезде РСДРП и провели в качестве общепартийной программы масловский проект «муниципализации» земли.

Таким образом, для мелкобуржуазной историографии было характерно непонимание закономерностей исторического пути России, особенностей ее развития, значения пережитков крепостничества, соотношения классовых сил. Революционные социал-демократы, прежде всего В. И. Ленин, вели с этими мелкобуржуазными взглядами острую полемику, которая являлась составной частью борьбы марксистской партии против буржуазного влияния на пролетариат.

3. ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Художественная литература на рубеже двух веков оказывала громадное воздействие на общественно-политическую жизнь России. Отсутствие политической свободы, тяжелейшие цензурные условия, малое число исторических и общественных центров, сравнительная «тонкость» культурного слоя, приниженность и забитость многомиллионных масс делали художественную литературу в России влиятельным рупором общественной жизни, чутким барометром политических движений. Поэтому, только учитывая исторические взгляды писателей, можно анализировать процесс зарождения, становления марксистской историографии в России. Славными традициями лучших произведений русской классической литературы последней трети XIX в. были беспощадное обличение самодержавия, церкви, пережитков крепостничества и рождавшихся буржуазных порядков, эксплуатации, расового и национального гнета, горячее сочувствие страданиям народных масс и борьба за их счастье, гуманистическая вера в человека, в его светлое будущее.

Н. А. Некрасов считал героем истории народ, создавший все материальные и культурные ценности. В труде и в нужде веками он прокладывает себе дорогу вперед. Поэт верил в исторический прогресс, в возможность предвидеть ход истории. Определяя свое отношение к суще-

ствовавшим историческим направлениям, Некрасов иронически писал о славянофилах, хотя и понимал своеобразие исторического развития России. Но он указывал на взаимодействие судеб славян и западноевропейских народов. Видное место в творчестве Некрасова занимали декабристы. Поэт глубоко симпатизировал делу первых российских революционеров.

Творчество Н. Щедрина (М. Е. Салтыкова) великолепно отражало эпоху. Будучи историком, великий сатирик стремился найти связь и обусловленность явлений. Много раз Щедрин клеймил российский либерализм, а перед смертью написал: «Нет животного более трусливого, как русский либерал». Эта позиция получила высокую оценку В. И. Ленина (см.: 22, 84). Историю Щедрин считал обобщающей наукой, раскрывающей характер исторического процесса, выясняющей основные этапы и направления в движении общества. Его не удовлетворяли концепции ни дворянской, ни либерально-буржуазной историографии. Подлинный демократ, Щедрин видел, какую активную роль играет народ в истории. Не раз возражал он против идеализации дворянства, реформы 1861 г., пореформенной России. Его отношение к крепостному праву, его отмене и сохранившимся пережиткам приближало писателя к революционным демократам. История в его понимании не терпит неподвижности, ей присущи постоянные перемены. Озабоченность судьбами деревни, враждебное отношение к капиталистическим порядкам сближали Щедрина с народничеством, но он не был сторонником народнических теоретических догм, не разделял их упоения общиной, одним из первых рассмотрел приход капитализма в Россию и понимал, что ей придется пережить «эпоху чумазовского торжества».

В 60—70-х годах в русскую литературу пришла большая группа демократически настроенных писателей-беллетристов. При явном различии их творческих почерков, тематики произведений, взглядов, жизненного пути для всех них было характерно большое внимание к условиям жизни пореформенной России, стремление перевести на язык художественной прозы свои передовые убеждения. Постоянно печатавшиеся во второй половине XIX в. демократические повести и рассказы оказывали известное влияние на разночинную интеллигенцию, на ход общественно-политической борьбы.

Г. И. Успенский стал одним из видных беллетристов с 60-х годов. Он резко отрицательно относился к капита-

лизму. Успенский правдиво изображал чиновников, ремесленников, жителей подгородных сел, интеллигентно-разночинцев, показывал развращающее влияние капиталистического города на нравы и характер крестьян. Произведения талантливого писателя полны сочувствия к «униженным и оскорбленным», горячей ненависти к самодержавно-полицейскому режиму, к эксплуатации крестьянина и рабочего. Сблизившись с народниками, Успенский ярко описывал жизнь и быт крестьян, но не воспринял популярные в 70-х годах революционно-народнические утопии. Его произведения шли вразрез с основными заветами народничества о «мирском» духе крестьян, вскрывали несостоятельность народнического мифа об общине, изображали процесс разложения устоев деревенской жизни, рождение кулачества, крушение «хождения в народ».

Вместе с тем в конце 70-х — начале 80-х годов Успенский сам не был свободен от народнических иллюзий, отразившихся на его деревенских очерках, идеализировал «власть земли», патриархальные формы крестьянского хозяйства. Подобно всем народникам Успенский часто не мог объяснить смысл совершавшихся в деревне перемен, но он правдиво описал действительность, опровергавшую народнические теории. С конца 80-х годов Успенский окончательно убедился в крушении народнических надежд, в приходе капитализма и появлении «пролетариата всевозможного толка». Этому способствовало обращение писателя к работам К. Маркса.

Ф. М. Решетников рисовал крестьян, камских бурлаков, был знаком на практике с тружениками уральских заводов. В его произведениях без народнической идеализации изображена тяжелая жизнь городских низов, гольтьбы.

Рассказами Н. И. Наумова агитаторы-народники пользовались в целях революционной пропаганды. Сначала в его творчестве преобладал демократизм. Он разоблачал политику самодержавия, обман крестьян «волей», рассказывал о сплоченности городских рабочих. В 70-х годах его творчество было связано с идеями революционного «хождения в народ». Наумов показал единство интересов нового эксплуататорского класса с чиновничье-бюрократическим царским режимом, начало протеста крестьян против засилья кулака. Постепенно Наумов эволюционировал вправо и сблизился с либералами.

Народнические верования 70-х годов отразил и П. В. Засодимский. Он как бы составил программу легальной деятельности среди крестьян. Кулака Засодимский назвал «героем нашего времени», однако его появление считал случайностью. Чтобы найти выход из тяжелого положения крестьянства, Засодимский пропагандировал типично народнический набор средств: сельское ссудо-сберегательное товарищество, потребительскую кооперацию, производственную артель.

Ф. Д. Нефедов с народнических позиций изображал крестьянский быт. В некоторых своих рассказах он доходил до слащавой идеализации обычных порядков, «мирских заступников». Изображая жилищных фабричных мастеровых, он считал их представителями народной, крестьянской массы; самостоятельную роль рабочих в общественной жизни писатель даже не пытался осмыслить. По-народнически освещал Нефедов и переломные моменты истории России.

В творчестве Н. Н. Златовратского демократические тенденции 60-х годов сменились ярко выраженными народническими идеями. Дворянско-буржуазному законодательству России противопоставлялось крестьянское общинное мировоззрение, искания разночинной интеллигенции. Златовратский отмечал распад общины, но все его симпатии на стороне хранителей «устоев»; он сентиментально идеализировал защитников «старой правды». Как и другие народники, Златовратский испытывал серьезные колебания, но в целом оставался защитником «крепкого мужика».

В очерках и рассказах С. Каронина (Н. Е. Петропавловского) вере в общину противостоят наблюдения писателя-реалиста. Заклеймив деревенское кулачество, Каронин показал глубокий распад патриархальных устоев деревни, уход на заработки в город безземельной бедноты. Однако и к капиталистическому городу Каронин относился по-народнически скептически, не видел революционной роли пролетариата. Центральным образом поздних повестей и рассказов Каронина стал интеллигент-народник, разочаровавшийся и в народе, и в «хождении в народ». Каронин не идеализировал крестьянство, смотрел на него реалистически.

Художественные произведения Степняка (С. М. Кравчинского) ярко отразили мировоззрение, исторические взгляды революционного народничества 70-х годов. Сказки Кравчинского «Мудрица Наумовна», «О копейке»

и др. использовались народниками-подпольщиками. В них рассказывалось о грабительском характере реформы 1861 г., о губительном воздействии развивающегося капитализма, содержался призыв к крестьянской революции. В «Мудрище Наумовне» Степняк пытался популярно изложить содержание «Капитала» К. Маркса. Герои Степняка были убежденными проводниками тактики индивидуального террора и идеалистически выражали представления той части революционных народников, которая главную силу истории видела не в народе, а в критически мыслящих личностях, в героях. К концу жизни у Степняка намечилось сближение с социал-демократами.

В рассказе В. Г. Короленко «Чудная» нарисован образ ссыльной девушки-революционерки. Здесь показана пропасть взаимного недоверия, разделявшая народ и народническую интеллигенцию. Творчество Короленко свободно от народнических иллюзий. Он был связан с русской демократической литературой мотивами гражданственности, жгучей ненавистью к самодержавию и пережиткам крепостничества. Беллетристические и публицистические произведения Короленко создавались в годы эволюции народничества к либерализму. Он стремился к смягчению социальных противоречий, порою подменял классовую борьбу морализированием.

Сложны и многомерны исторические взгляды Л. Н. Толстого. Не разделяя концепции дворянских и буржуазных историков, он отрицал решающую роль личности в истории и считал, что «царь — есть раб истории». Не государство, а народ — вот истинно действующая сила. Главные направления его деятельности — производство материальных благ и духовных ценностей, участие в национально-освободительной борьбе. Толстой гневно осуждал наряду с самодержавием православную церковь как государственный антинародный орган. Отмена крепостного права в России не уничтожила рабства. Перспективу общественного развития Толстой связывал с наделением всех людей правом пользоваться землей, созданием общества свободных земледельцев-тружеников. Обращение к народу, к русскому крестьянству сближало Толстого с народничеством. Писатель идеализировал весь строй деревенской жизни. Он ценил в народе не революционные возможности, а так называемые христианские добродетели. Теория непротivления злу насилием привела Толстого даже к осуждению Великой французской революции 1789 г., хотя общие ее принципы он одобрял. Не

приемля революционного пути исторических преобразований, в русской истории он настойчиво искал путь «постепеновцев». С большой теплотой и симпатией относился к декабристам, прославляя их верность своим убеждениям, он считал их выступление безнадежным.

Величайший художник слова, Л. Н. Толстой вскрыл язвы капитализма, показал нищету народа, губительность войн. На примерах истории он клеймил роль эксплуататорского государства как органа насилия и угнетения. Многие произведения Толстого написаны на исторические сюжеты. Автор каждый раз тщательно изучал источники, критически отбирал их. Он призывал не доверять военным донесениям, реляциям, описаниям деятельности власти имущих. Одним из важных исторических источников Толстой считал народное творчество во всех его проявлениях. Однако с 80-х годов Толстой все больше склонялся к идеализму в понимании исторического процесса. Согласно его представлениям, движением общества вперед будто бы управляет человеческая жизнь. Толстой часто отказывался от исторического монизма, приходил к фатализму. Как историку ему были присущи слабости, в конечном счете определявшие противоречиями российского крестьянства, интересы которого он стремился отражать.

В конце XIX в. в русской литературе появляются новые имена. В. В. Вересаев (Смидович), увлекаясь марксизмом, прошел нелегкий путь. Одно время он печатался в изданиях «легальных марксистов». Герои его рассказов — крестьяне, рабочие, интеллигенты. Его рассказ «Лизар» был использован В. И. Лениным для характеристики тяжелого положения российского трудящегося (см.: 3, 270, примечание). Когда после знаменитой петербургской стачки текстильщиков в 1896 г. Вересаев сблизился с революционными подпольными кружками и наладил связи с рабочими, в его произведениях появились новые для литературы темы кризиса народничества в начале 90-х годов, ожесточенных споров между ними и первыми революционными интеллигентами-марксистами, быта и психологии ремесленного пролетариата, бегства «легальных марксистов» из демократического лагеря, их поворота к идеализму. Хотя взгляды Вересаева не могут быть названы последовательно марксистскими, но он одним из первых в литературе критического реализма запечатлел приход в революционное движение марксистов.

Н. Гарин (Н. Г. Михайловский) принадлежал к тому

поколению в литературе, которое начинало жить и мыслить во времена народничества, но стало сближаться с марксизмом. Гарин сумел преодолеть свою дворянскую классовую ограниченность. От веры в крестьянство как носителя революции он шел к пониманию роли пролетариата, искренне показал крушение своих мечтаний о культурнической роли землевладельца-народолюбца.

Таким образом, многие русские писатели второй половины XIX в. проявляли широту исторических интересов. Они пытались охватить всемирно-исторический процесс. Некоторые из них занимались самостоятельно историческими исследованиями. Суждения писателей об истории часто бывали оригинальными. Для деятелей литературы история не была просто увлекательным предметом. Они справедливо видели в ней науку, которая воспитывает в человеке лучшие качества члена общества, гражданина, патриота. Наиболее близка писателям была отечественная история. Нередко они стремились к философско-историческим построениям, серьезно ошибались, не находили ответа на вопрос, что же является движущей силой общественного развития. Но не эти трудные поиски писателей более всего ценны для нас. На современников литература конца XIX в. оказывала огромное влияние своей гражданственностью, любовью к отчизне и народу.